

Выводы

Фундаментальным утверждением, объясняющим расширение сферы применения нарратива, является тезис о том, что сама реальность носит нарративный характер. Мы производим нарративы потому, что сами нарративно существуем, а степень разнообразия наших повествований зависит от модификаций нарративного существования. Нарративность должна быть присуща человеческому видению мира, действиям, социальным институтам. А для этого надо осуществить процедуру переопределения всего поля исследований и практики в концептах нарратологии. В качестве примера В.Н.Сыров показывает, что «... чарующий тезис о том, что настоящее содержит в себе прошлое и будущее, проясняется, если мы настоящее понимаем как структуру, содержащую в себе начало-середину-конец или происхождение-осуществление-цель» [9, с. 23]. Следовательно, программу нарративизации следует понимать как задачу превращения концептов в технологии конструирования социальности.

Список литературы

В.І.Онопрієнко

НАРАТИВ ЯК СТРАТЕГІЯ І ПРАКТИКА ПОСТМОДЕРНОГО ОНОВЛЕННЯ МЕТОДОЛОГІЇ СОЦІОГУМАНІТАРНОГО ЗНАННЯ
Розглянута специфіка концепта постмодерна «нарратив» і наслідки його експансії в соціогуманітарне знання.

V. Onoprienko

THE NARRATIVE AS THE STRATEGY AND PRACTICE OF POSTMODERN RENEWAL OF SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE METHODOLOGY

The peculiarity of postmodern conception "narrative" and its consequences for spreading in social and humanitarian knowledge is observed.

Стаття надійшла до редакції 11.01.2010.

УДК 1 (470+571) (091)

С.В. Синяков¹, д-р филос. наук, проф.
Е.Ф. Сластенко², канд. филос. наук, проф. НАУ.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.

¹Национальный транспортный университет

²Гуманитарный институт Национального авиационного университета

В статье раскрывается соотношение субъективного и объективного в историческом познании, анализируется роль идеологических установок и концептуальных средств исследования как наиболее важных форм реализации активности субъекта.

Введение

Характерной особенностью истории науки XX века являлось то, что в методологическом анализе на передний план был поставлен создающий научное знание субъект. В новейшей философской литературе глубоко исследовались различные формы социокультурных, мировоззренческих ориентаций субъектов научной деятельности. Результаты такой работы показали, что научное знание оказывается нагруженным различными социальными и общекультурными компонентами, человеческими отношениями, складывающимися между учеными в процессе создания идей, гипотез, концепций. Среди социокультурных детерминант процесса познавательной деятельности особый интерес у философов и историков вызывали ценностные предпосылки, складывающиеся из философских, этических, идеологических принципов, норм и требований.

Постановка задачи

1. Косиков Г.К. Нарратив // Современная западная философия. Энциклопедический словарь. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 159-160.

2. Можейко М.А. Нарратив // Всемирная энциклопедия философии / Глав. ред. и сост. А.А.Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. – С. 669-670.

3. Касагин И.Т. Познание // Новая философская энциклопедия. – Т. 3. – М.: Мысль, 2000. – С. 259–262.

4. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – №3 – С. 29-42.

5. Carr D. Time, Narrative and History. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1991. – 189 p.

6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – СПб., 1998.

7. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Рос. ун-та Дружбы народов. – 2005. – № 6-7. – С. 56-74.

8. Янков И.В. Нарратив в историческом освоении действительности: феномен обновления и социокультурный смысл / Дис. канд. филос. наук. – Екатеринбург, 1997. – 15 с.

9. Сыров В.Н. Нарративное производство и современное социальное познание // Социальное знание в поисках идентичности. Фундаментальные стратегии социогуманитарного знания в контексте развития современной науки и философии. – Томск: Водолей, 1999. – С. 20-26.

В последние 10-летия XX в. в связи интенсивной разработкой принципа активности субъекта в научном познании в философско-методологической литературе появились исследования, затрагивающие вопрос о творчестве ученого в социальных науках. Анализ данной проблемы в общественнонаучной предпринимался, как правило, на основе концептуальных схем, выработанных в методологии естественных наук. Это не позволяло более полно сформулировать проблему прежде всего потому, что задачи исследования ограничивались лишь выяснением и описанием возможных форм проявления творческой активности субъекта в историческом познании. Такой подход приводил к формированию односторонних представлений о содержании и результатах познавательной деятельности в социальных исследованиях. Поэтому более перспективным является анализ проблемы активности субъекта в тесной связи с решением вопроса о её границах, что открывает во-

зможности для исследования причин заблуждений и ошибок в историческом познании. Такая постановка вопроса предполагает не только изучение признаков и форм проявления творческой активности познающего субъекта, но также, а это особенно важно, выяснение и тщательное исследование предпосылок и условий, при которых возможно достижение объективных знаний об обществе и его прошлом. Анализируемая в таком плане проблема активности субъекта в социальных науках даёт возможность выйти на изучение взаимосвязей между познавательной деятельностью и социальными интересами, противоречиями общественной жизни. Выяснение такой взаимосвязи составляет ответственный момент в исследовании проблемы, так как позволяет не только обогатить активный характер исторического познания, но показать его обусловленность всей совокупностью указанных факторов.

Задачей данного исследования является анализ дискуссий в российской и западноевропейской историографии и методологии общественных наук последней четверти XIX в. – начала XX в. о возможностях построения объективной истории в аспекте выяснения места и роли ценностного предпосылочного знания как способа реализации творческой активности.

Основная часть

Западноевропейская историческая мысль XIX – начала XX ст. в основном придерживалась принципа объективности и находила принципиально возможным достижение соответствия научного мышления исторической действительности средствами общественных наук (О. Тьерри, О.Конт, Ф. де Куланж, Ш. Сеньобос и др.).

О. Тьерри писал ещё в 1820 г.: «Быть может, именно таков порядок цивилизации, что за веком, который выдвигает идеи, следует век, который обращается к фактам» [1, с. 171]. В шестидесятые годы XIX века тенденция меняется. Начинает преобладать документальный дух, стремлений к точности как к необходимому техническому аспекту профессии историка. Новая концепция роли историка сформулирована Фюстелем де Куланжем: «Многие думают, что историку полезно и хорошо иметь предпочтения, «господствующие идеи», высшие понятия. Думать таким образом – это значит обманывается в существе истории. Это не искусство, а чистая наука, и, как всякая наука, она состоит в установлении и анализе фактов, их сопоставлении и выявлении связей между ними» [1, с. 171].

Понимаемая таким образом история противопоставляется основанной на воображении литературе, а также философии. Она опирается только на документацию. Эта тенденция благотворна, но было бы желательно, чтобы сами историки поставили вопрос, где же пределы этой объективности. Прежде всего, документ, даже аутентичный, является лишь одним из аспектов фактической действительности и полностью не совпадает с ней. Кроме того, сам по себе он часто субъективен. Наконец, выбор документов и их толкование зависят от личности историка. Однако всё это не беспокоило учеников Фюстеля де Куланжа. Их больше смущали другие

затруднения методологического плана – невозможность непосредственно наблюдать события, отсутствия данных и т. д.

Ш. Сеньобос сетовал в этой связи на то, что история «представляет собой самое несовершенное знание». Однако всё это затруднение преходящее, документы рано или поздно раскроют истину и единая историческая концепция позволит в один прекрасный день объяснить прошлое. В ожидании этого надо собирать материалы и с их помощью заставить говорить факты. Но что такое исторический факт? Будучи не в состоянии дать соответствующее определение, французские историки в принципе исходили из того, что исторический характер не присущ самим фактам, он является лишь способом познания. Нет исторических фактов, подобно, например, фактам химическим. Один и тот же факт является или не является историческим в зависимости от способа его познания. Имеются лишь методы познания истории. Таким образом, история выступила лишь в качестве метода. В XX веке вопрос «Что такое история?» был поставлен иначе, речь на этот раз шла не о методе, а о предмете. «Задача истории – вспомнить прошлое», - писал в 1903 г. П. Манту и добавлял: - «То, что является особенным, всё то, что не повторяется более одного раза, и есть область истории» [2, с. 19-20]. Однако такое утверждение не могло не быть расценено многими как произвольное ограничение исторической науки. Можно ли изолировать новое и особенное от общей эволюции, постоянного, повторяющегося? «Однолинейная», «случайная» история вызвала протест и требование более широкого подхода. Следует обратить внимание и на тот довольно парадоксальный факт, что как раз в этот период, когда другие социальные науки дальше всего отошли от истории, длительное время воздействовавшей на них и даже иногда тормозившей их развитие, сама история в результате этого вовсе оказалась ослабленной, а даже наоборот, как бы помолодела.

«В той мере, в какой история – это не только изучение прошлого, а наука о человеке во времени» (М. Блок), в той мере, в какой «всё есть история, всё, что было сказано вчера и минуту назад» (Леви-Стросс), в той мере, в которой история является как бы тенью человечества, неотделимой от него, вбирающей в себя индивидуальные, коллективные, психологические, экономические ритмы, чтобы сохранить их в той застывшей, консервированной, упрощенной форме, в которой время смотрит на нас с календаря – в этой мере мы не можем пройти мимо исторической науки.

Подлинно научное исследование должно считаться с реальностью противоречия между объективной и субъективной сторонами процесса познания, внимательно учитывать по возможности все аспекты их взаимодействия, а не отсекают искусственно одну из сторон реального противоречия и выдавать эту односторонность за подлинную мудрость методологии познания. Поэтому считаем целесообразным указать на данное противоречие уже в самом методе познания. Метод нельзя вывести только из объекта познания, но его нельзя найти только в активности субъекта познания. Он является

ся продуктом диалектически противоречивого отношения субъекта и объекта на основе предметно-практической деятельности. Отсюда ясно, что нельзя субъективность, заинтересованность, эмоциональность в процессе работы исследователя рассматривать как негативный фактор познания вообще, вне рассмотрения содержания субъективного фактора. Гегель еще в 1817 году высмеял требование, согласно которому возможно чистое и беспристрастное написание истории без цели и интереса к предмету. «В особенности это требование предъявляют обыкновенно к истории философии, в которой не должны, как думают, проявляться никакие пристрастия в пользу того или иного представления или мнения, подобно тому, как судья не должен быть настроен в пользу одной из спорящих сторон. По отношению к судьбе предполагается, однако, в то же время, что свою служебную обязанность он исполнял бы нелепо и плохо, если бы он не имел интереса, и притом даже исключительного интереса к праву, если бы это право он не ставил себе целью, и притом единственной целью; и если бы стал воздерживаться от вынесения приговора. Это - требование к судье можно назвать партийным отношением к праву, и эту партийность обыкновенно очень хорошо умеют отличать от партийности субъективной. Однако в беспартийности, требуемой от историка, упомянутое различие стирается в прошлой, самодовольной болтовне, и оба рода интереса отвергаются, когда желают, чтобы историк не привносил от себя никакой определенной цели и воззрения, сообразно которым он выделял бы, устанавливал и обсуждал события, но, чтобы он рассказывал о них как раз в той случайной форме, в какой он их находит, в их безотносительной и никакой мыслию не проникнутой партикулярности» [3, с. 367]. Из этой обширной цитаты вытекает, что Гегель понимал под "объективной партийностью" не задачу служения целям какого-либо класса, а проявляемый в исследовании интерес к истине, заинтересованность в достижении объективного знания, как идеала познания. Рассмотрим под этим углом зрения методологические искания в российской дореволюционной общественной мысли, сопоставим точки зрения сторонников субъективных и объективных методов исследования общественных явлений.

Сущность субъективного метода в социологии, основоположниками которого явились Н.К.Михайловский и П.Л.Лавров, состояла в подмене научного исследования социальных процессов и явлений "сочувственным переживанием" и нравственной оценкой поступков, действий, из которых складывается изучаемое событие. "Субъективным методом называется такой способ удовлетворения познавательной потребности, подчеркивал Н.К.Михайловский, - когда наблюдатель мысленно ставит себя в положение наблюдаемого» [4, с. 402]. Его реализация в процессе познания явлений общественной жизни представлялась возможной для субъективных социологов посредством "интроспекции субъекта в объект", установления некоторого "тождества между субъектом и объектом", благодаря переживанию субъектом объективного, которое становится человеческим» [5, с. 144]. Субъективные социологи

не сомневались в том, что сознательное и систематическое применение субъективного метода делает его вполне научным способом познания; более того, они допускали возможность употребления наряду с ним объективных методов исследования, но отводили последним подчиненную роль [6, с. 612].

Н.К.Михайловский и П.Л.Лавров справедливо указывают на наличие аксиологического элемента в знании, который наряду с гносеологическим, дающим информацию об "известных явлениях и отношениях между ними," свидетельствует "о степени удовлетворения этими явлениями различных требований природы наблюдателя"[4, с. 393]. "Нравственный суд в приложении к личности, к обществу, к прошедшему и будущему в истории есть всеобщий факт, - подчеркивал П.Л.Лавров [6, с. 613]. Н.К.Михайловский решительно убежден в неспособности исследователя общества оторваться от симпатий и антипатий, близких ему интересов и только познавать уже в силу самой природы его отношения к общественным явлениям. Он справедливо пишет о социальной обусловленности общественной науки, которая, по его мнению, возникает в силу потребностей общества, обслуживает эти потребности, но ни в коем случае не находится вне и над обществом [4, с. 369-370]. Подчеркивая тесную связь истины и оценки в общественной науке, Н.К.Михайловский и П.Л.Лавров были убеждены в том, что красота, польза, справедливость наряду с истиной являются необходимыми способами удовлетворения требований исследователя общества. Например, при изучении такого исторического явления, как эмиграция из Мекленбурга в Новый свет, Н.К.Михайловский требует от исследователя помимо описания этого события и объяснения его причин ответа на вопрос: насколько справедлив или нравственен порядок вещей, который гонит людей с родины. Признавая эмиграцию необходимой и справедливой, Н.К.Михайловский в равной степени находит нужной деятельность людей, направленную на устранение причин, порождающих эмиграцию[4, с. 387]. Отвергая всевозможные рассуждения о существовании беспристрастной социологии, Н.К.Михайловский открыто высмеивает тех, кто с высоты науки стремится приблизиться к объективному описанию жизни:"Зачем же плевать в колодезь, на дне которого заведомо находится истина? Тоже ведь и напиться когда-нибудь захочется..." [4, с. 375]. Но, несмотря на достаточно глубокое понимание роли и места субъективного фактора в социальном исследовании» ему не удается раскрыть действительное соотношение субъективной и объективной сторон в познании. Субъективные социологи достаточно реалистически описывали место ценностно-мировоззренческих критериев в социальном познании, признавали социокультурную обусловленность общественнознания, учитывали специфику процесса изучения социальных явлений. Настаивая на правомерности нравственной оценки в социальном исследовании, они определяли ее как произвольную и субъективную, считая выяснение условий преодоления разногласий между исследователями общества задачей будущего[6, с. 613]. Вместе с тем, они разводили субъективное и объективное, сводили

общественное к индивидуальному, трактовали связь побуждений с внешней средой как произвольную и случайную. Субъективный метод познания с его "со-чувственным переживанием" и нравственной оценкой не был соединен с совокупностью объективно-социологических средств. Российские социологи не пытались найти пути к объективной детерминации сопереживаемых человеческих действий. Абсолютизируя своеобразие объекта социального исследования, роль аксиологического аспекта в познании, они фактически отказывались от сциентистско-ориентированной методологии в социологии, противопоставили общественное знание естествознанию.

Когда Н.К. Михайловский, П.Л.Лавров и другие представители субъективной школы в социологии стремились раздвинуть узкие рамки объективного анализа и преодолеть субъективизм в суждениях на основе общечеловеческих ценностей и идеалов, П.Струве, Н.Бердяев, а также сторонники идейного течения "легального марксизма" предприняли попытку достичь объективности за счет исключения оценки из области научного познания и, опираясь на неокантианскую гносеологию, найти критерии объективности в самом сознании познающего субъекта. Если субъективные социологи искали оценочные критерии в сфере объективных норм и идеалов критически мыслящей или нравственно развитой личности, то П.Струве и Н.Бердяев попытались придать им статус объективности посредством выхода в область категорического императива как высшего нравственного закона. Поэтому обоснование объективности социального познания они начали с нового истолкования сущности объективного. По их мнению в самом содержании сознания, в психологических переживаниях присутствует объективный и общеобязательный элемент [7, с. 8-15]. Основой и критерием объективности, по мнению П.Струве, является общеобязательность и прочность представлений для каждого индивидуального сознания [8, с. 492]. Н.Бердяев также утверждает, что сознание познающего субъекта содержит в себе ряд априорных чувственных и логических форм, имеющих общеобязательный и общечеловеческий характер [7, с. 21]. Указывая на субъективный характер всех без исключения переживаний, П.Струве, не исключает возможности их объективного познания, поскольку "субъективный характер переживаний, как таковых, есть с точки зрения теории познания - их объективный признак, т.е. объектов научного исследования». Теория познания, отмечает Н.Бердяев, именно и имеет дело с общечеловеческим трансцендентальным, а не с субъективным, психологическим сознанием [7, с. 27]. Проводя точку зрения об "общеобязательности" и "объективности" не только формальных элементов, но и содержания сознания, П.Струве одновременно отказывается соединить восприятия, и представления с их объективным источником, называя метафизикой попытки "предположить за индивидуальным или коллективным сознанием реальный мир внешних вещей" [8, с. 493]. Резко критикуя субъективных социологов, новые российские интеллектуалы формируют свои методологические принципы социального познания. Справедливо увязывая решение проблемы объек-

тивности социального познания с выяснением взаимосвязи субъективного и объективного, аксиологического и гносеологического, они противопоставляют эти моменты, причем таким образом, что субъективное ценностное отношение к объекту выносятся ими из теории познания и выносятся за сферу науки. Провозгласив тезис о несовместимости объективного анализа и оценки, они заявили о противоречии классовых установок ученого познавательному стремлению к истине. Н.Бердяев справедливо заявляет, что истина возвышается над классами и может принимать классовый характер лишь в силу ее психологической доступности одному классу [7, с. 53]. «Безусловно признавая неизбежность классово-мировоззренческой детерминации социального познания и правильно подметив, что в этом признании заключается единственно верный подход к оценке места и значения субъективного элемента в научном исследовании, П.Струве и Н.Бердяев вместе с тем объявляют истину и идеалы категориями несовместимыми с классовой позицией исследователя, или пытаются вывести нравственные принципы, нормы и идеалы из "психологии класса, приспособленного к требованиям социального прогресса", отдавая вероятно здесь дань марксизму. Ценностные принципы представляются русским неокантианцам в качестве независимых от эмпирического сознания и общественной структуры, абсолютных, вечных надклассовых идеалов. Объективность познания у них зависела от умения «исследователя в процессе анализа социальных явлений встать на общечеловеческую или надклассовую точку зрения; влияние современных общественных противоречий, воздействие господствующих в обществе идеологических установок оценивалось как негативное. Соединяя популярный в то время марксизм с идеями "критической философии", П.Струве и Н.Бердяев, давая субъективно-идеалистическую интерпретацию природы объективного, стремились усовершенствовать методологию социального познания. Обращаясь к неокантианской гносеологии для обоснования путей и возможностей достижения истины, они основывались на априорных категориях сознания. Сегодня происходит возвращение к этой философско-методологической концепции. Рассматривая проблему познаваемости в истории, современный американский философ В.Хесле прямо указывает: "... Познаваемость истории должна базироваться на априорных (категориях) основаниях. Действительно, историк, не может ограничиться рассказом о грубых фактах. Он неизменно должен их интерпретировать. А это значит вычленив существенные факты, отличая их от менее существенных. Поэтому, если существуют априорные категории, то именно они должны руководить историком в его конкретной работе [9, с. 109].

Из нашего анализа двух течений в методологии общественнознания следует, что ни одно из указанных направлений не раскрывает диалектику субъективного и объективного в социальном познании. Субъективные социологи гораздо глубже понимали проблему соотношения истины и оценки в познании; они сознавали невозможность, да и ненуж-

ность исключения субъективного элемента из социального исследования. "...Факел истины, обнаженный от условностей человеческой природы, - подчеркивал Н.К.Михайловский, - неспособен осветить даже малейшее пространство, и не ему бороться с окружающим человечеством мраком" [4, с. 348]. Но, отдавая должное мировоззренческой ориентации социального познания, его ценностным установкам, они обращались к так называемым "истинным началам общественности", которые оставались для них абстрактными, лишенными конкретного социального смысла понятиями. Признавая значительное влияние интересов, ценностей, целей исследователя на процесс и результаты познания социальных феноменов, субъективные социологи всесторонне не анализировали проблему социокультурной обусловленности общественности, перенося решение вопроса в сферу морали. Однако, руководствуясь идеалистической интерпретацией исторического процесса, постоянно подчеркивая незаменимую роль ценностного подхода к социальным фактам, они уловили специфику изучения духовных явлений, особенности социального познания в целом. Концепция субъективного элемента в социальном познании выстроена у них на основе идеалистической интерпретации "...чувств и помыслов, личностей как независимых и самостоятельных по отношению к логике исторического развития". Требование П.Струве и Н.Бердяева вынести ценностные суждения из области научного познания и оставить им место лишь в сфере психологии и морали является не только невыполнимым, но и наносит ущерб полноте социальной истины. Никакое самое беспристрастное изложение фактов не обеспечивает достижения всестороннего знания, если оно не сопровождается проникновением в духовный, внутренний мир людей, совершающих социально значимые действия, не дополняется мировоззренческой оценкой происходившего и происходящего. Попытки П.Струве и Н.Бердяева исключить ценностное отношение из сферы познания, равно как и нежелание субъективных социологов в полной мере использовать объективно-научные средства социального исследования препятствуют диалектическому решению проблемы взаимосвязи аксиологического и гносеологического подходов в процессе изучения общественных явлений. Нельзя не указать на социально-культурные и конкретно-исторические предпосылки анализируемых методологических концепций в общественности. Сложившись как теоретик народничества и идеолог крестьянства, Н.К.Михайловский рассчитывал с помощью субъективного метода в социологии обосновать необходимость и возможность преобразования политического строя в России с точки зрения нравственного, справедливого, должного. П.Струве и Н.Бердяев, представители русского духовного Ренессанса и либерально-демократического движения в начале XX века, с одной стороны, отвергали народнический протест против капиталистического развития страны, с другой стороны, на основе рационалистического сознания, предчувствуя после-революционный тоталитаризм, не принимали радикальных форм и методов борьбы революционной

демократии с самодержавием. Их мировоззренческие и методологические установки в значительной степени отвечали идеологическим и политическим интересам либеральной интеллигенции, желавшей гражданских прав, политических свобод, демократизации страны и скорейшего устранения многочисленных препятствий развитию капитализма в России на основе частной собственности и новой конституции. Поэтому, выяснив их социальную позицию, политические убеждения, отношение к общественным противоречиям в России, легче понять выражение этого отношения в теоретико-методологических концепциях.

Критический анализ субъективистской и объективистской тенденций в методологии социального исследования позволяет сделать вывод, что каждая из них абсолютизирует отдельные стороны диалектики процесса познания - либо субъективного, либо объективного моментов. Такое одностороннее преувеличение роли субъекта или объекта в познании создает методологические предпосылки для неполного, ограниченного изучения, понимания и интерпретации социальных явлений. Исследуя природу научной истины, Э.М.Чудинов подчеркивал, что одним из камней преткновения на пути ее решения было противопоставление активности субъекта и возможности выработки им знания, соответствующего объективному миру" [10, с. 3]. Проблема соотношения субъективного и объективного в социальном познании - достаточно традиционный вопрос для новой и новейшей философии и методологии науки. Западноевропейская философская мысль XIX века в основном придерживалась принципа объективности и находила принципиально возможным достижение соответствия научного мышления социальной действительности средствами общественных наук. В позитивистской методологии науки долгое время господствовало положение о том, что соответствие знаний действительности может быть достигнуто путем устранения активности мышления ученого [11, с. 25]. Такая объективистская установка, переносившая центр тяжести с субъекта на объект познания, совершенно игнорировала не только творческую активность мышления исследователя, - но и всякую зависимость процесса познания от познающего субъекта. Характерная для позитивистской социальной науки XIX века наивно-реалистическая концепция социального знания выражена немецким исследователем П.Бартом, который писал: "Как до всякой теории познания существовали твердо установленные эмпирические положения естествознания..., точно также существуют и твердо установленные независимо от теории познания исторические факты" [12, с. 10].

Однако уже в 80-90-е гг. XIX века гносеологический оптимизм классического позитивизма натолкнулся на серьезную критику со стороны ряда известных историков и философов - В.Виндельбанда, В.Дильтея, У.Джемса, Г.Зиммеля, Э.Мейера, Г.Риккерт - представителей и основоположников неокантианства, философии жизни, философии прагматизма. Они указали на необходимость перестройки основных постулатов исторического мышления: их общим тезисом явилась интерпретация

субъекта познания в качестве активного организующего начала, изменяющего и преобразовывающего объект познания. Так, Э.Мейер подчеркивал, что "...во всяком познании первичным фактом является познающий субъект " и " ... из своего " я " историк черпает проблемы, с которыми он подходит к материалу: они служат ему путеводной нитью, при помощи которой он сравнивает и группирует факты, отмечает исторические моменты" [2, с. 53]. На вопрос о том, чем должен руководствоваться исследователь при постановке проблемы и отборе фактов, Э.Мейер отмечает, что выбор "...основывается на историческом интересе, который ученый современник испытывает к какому-либо событию, вследствие чего и чувствуется потребность исследовать его причины" [2, с. 53]. Справедливо подчеркивая воздействие индивидуальности ученого, мира его идей и среды, которая его формирует на процесс познания, отмечая неустрашимость этого момента из исторических концепций, Э.Мейер приходит к релятивистским трактовкам исторического мышления. "В конце концов всякое понимание истории, - пишет он, - будет только нашим пониманием и никогда не может быть достигнуто абсолютно раз и навсегда признанного понимания". Такие же представления о роли познающего субъекта в историческом исследовании развивает Г.Зиммель. Рассматривая ученого как активного социального субъекта, он выводит различия в исторических взглядах из того, "...насколько широкой или ограниченной натурой является исследователь, каков круг его наблюдений", "...в связанном ли политически или в свободном общезнании собирал он свои воззрения на жизнь" [13, с. 27-28]. Наиболее рельефно данная позиция была выражена В.Дильтеем, для которого социальное познание - глубоко субъективный процесс. Утверждая огромное влияние личности исследователя, его воспитания, мировоззрения на процесс познания, немецкий ученый отрицает возможность достижения какой-либо объективной истинности познания, отказывая ему в научности и рациональности..." Научное познание, - пишет он, - может проверить свои рассуждения, на которых зиждется правильность конечного вывода; оно может точно сформулировать и обосновать свои положения. Другое дело - наше знание жизни; оно не может быть проверено и точные формулы здесь невозможны [14, с. 127-128]. Сами факты, с которыми оперирует наша наука, полагает В.Дильтей, глубоко иррациональны, они постигаются не научным объективным методом, а путем сопереживания. Соответственно социальное познание не может быть проверено с помощью фактов на объективность и превращается в акт веры; социальные учения оказываются недоказуемы по самой своей природе [15, с. 8-17]. На зависимость социального познания от меняющейся жизни указывает немецкий исследователь творчества В.Дильтея М.Фришейзен-Келер, по мнению которого, исторические понятия имеют априорный характер, являясь зыбкими и переходящими. "Желанная общезначимость логических конструкций, - пишет он, - бледнеет и исчезает, когда меняется жизнь, питавшая их". В начале XX века, один из основоположников американского праг-

матизма У.Джемс, также отстаивает субъективистскую установку сведения реальности к "чистому опыту", к сознанию исследователя. Американский философ пишет: "Наличность действительности принадлежит ей, но содержание ее зависит от выбора, а выбор зависит от нас. Как со стороны восприятий, так и со стороны существующих между ними отношений, действительность нема, она ничего не говорит о себе. Мы говорим за нее " [16, с. 150]. Таким образом критическая философия истории стремилась учесть активность субъекта в историческом познании, но только на основе отказа от концепции соответствия социального знания социальной действительности. Такой подход привел ее представителей к абсолютизации творческой активности мышления субъекта, т.е. субъективной стороны познания, противопоставлению или отождествлению его с объектом социального познания. Указанные тенденции сохраняются и в современной западной философской мысли, например, в англоязычной аналитической и лингвистической методологии истории, получив свое выражение в дискуссии о природе исторических понятий, составе и функциях языка историка (И.Берлин, П.Гардинер, Э.Карр, К.Поппер, У.Уолш, Дж.Элтон, А.Мервик и др.). Многие современные ученые односторонне трактуют функцию субъективного элемента в социальном познании или метафизически противопоставляют субъективному объективному, приходят к релятивистским и презентистским выводам относительно возможностей общественных наук. "Не может быть никакой истории прошлого, как оно действительно было, - подчеркивает английский философ К.Поппер. -Можно иметь различные исторические интерпретации, и никакая из них не является последней[17, с. 312]. Всякое поколение имеет право создавать свою собственную интерпретацию. Подобное представление о результатах исторической реконструкции получило достаточно широкое распространение среди западных исследователей. По мнению А. Момильяно, историкам не остается ничего другого, как изучать", "...изменения с меняющихся точек зрения и никогда не иметь возможности похвастаться определенностью". Одна из главных причин, обусловивших такого рода заключения, - резкое противопоставление субъективного объективному, ценности и истины в познании. Для ряда авторов очевидно значительное влияние ценностных установок и теоретико-методологических средств на процесс и результаты познания. Историк не может ни объяснить, ни толковать историю, - подчеркивает Д.Гавронский, - не придерживаясь системы ценностей. Структура исторических суждений, - пишет У.Моммзен, - будет определяться не только объектом исследования, но также эпистемологической склонностью и концептуальными орудиями исследования. Однако, рассматривая аксиологические характеристики социального познания в качестве внешних детерминант исследования, и они резко ограничивают возможности положительного решения вопроса о соотношении ценностного и научного способов изучения социальных объектов. Так, признавая, что в процессе изучения общества"...ни одно живое существо не способно быть

полностью объективным", Д.Гавронский относит это обстоятельство к неизбежным недостаткам общественной науки. Эстетические, моральные, правовые, политические и другие ценности трактуются отнюдь не как феномен, порождаемый самой историей. Историческая оценка понимается как результат деятельности абстрактного разума, соответствия вечным и неизменным культурным ценностям. "Или мы обладаем религиозной, то есть моральной верой, позволяющей нам выносить суждения об исторических событиях, независимо от истории, - утверждает А. Момильяно, - или мы должны отказаться от моральных суждений". Точка зрения о том, что можно решить проблему обоснования моральных норм средствами истории, разделяемая марксизмом, вызывает все большие возражения в наши дни. По мнению В.Хесле, таким образом решить вопрос невозможно, ибо это решение повлечет известную натуралистическую ошибку. "Необходимо понять, - пишет он, - сфера норм не может в принципе быть основана на истории". Каждая попытка такого рода предполагает, что будущее можно знать, но это не так, "...именно незнание будущего есть необходимое условие человеческой свободы и тем самым ответственного действия" [9, с. 109]. Указанная позиция приводит к важному выводу о том, что мировоззрение, философию, этику не следует основывать на истории, а следует наоборот, саму историю как реальный процесс основывать на принципах и идеалах разума. Поэтому творческая активность разумного и нравственного субъекта является как основой ценностно-оценочной интерпретации социальных явлений, так и источником исторического творчества. "И если мы отрицаем эту регулятивную идею в смысле Канта, - делает вывод В.Хесле, - то разрушаем возможности нашей свободы и становимся лишь незначительной частью развития, которое сильнее, чем разум" [9, с. 109]. Как мы видим, наряду с субъективистскими, пессимистическими оценками роли и места объективного элемента в социальном познании в современной западной философской мысли предлагаются альтернативные концепции, выстроенные на основе неокантианской теории ценностей и указывающие на пути выхода из метафизического тупика, в котором оказались сторонники субъективистской и объективистской концепций в методологии социального познания. Возвращаются традиционные нормы и идеалы научного исследования и всё чаще раздаются призывы изучать общество и его прошлое "...с максимальной возможной для человека объективностью и историчностью". Стремление описать, объяснить и восстановить историю, как она была в самом деле, - пишут, например, американские ученые Дж.М.Клабб и А.Дж.Вог, - является верным, имеет под собой почву и соответствует традиционным целям исторического исследования. Таким образом, мы наблюдаем существенную эволюцию представлений о соотношении субъективного и объективного, ценностно-мировоззренческого и гносеологического подходов в социальном познании, которую претерпела философско-историческая и социологическая мысль. Элиминация творческой активности мышления субъекта уже не рассматривается

как необходимое условие достижения объективного знания, а признание фундаментальной роли субъекта, активно-творческой стороны познания не ведет к отказу от понятия объективности и достоверности результата познавательной деятельности. Стало очевидным, что та и другая позиция в равной степени не способствуют, а затрудняют выяснение действительной роли субъекта в социальном познании. Данное обстоятельство осознается сейчас в философии и методологии истории и ученые стремятся преодолеть давно сложившуюся дилемму: либо субъективизм, либо объективизм. "История, которую раньше считали объективной затем чисто субъективной, в действительности не является ни той, ни другой, - пишет Ч.Уилсон. - Она субъективна, но она покоится на якорю объективного факта, от которого она никогда не сможет освободиться".

Итак, объективность знания и активность субъекта не противоречат друг другу, скорее наоборот, лишь при наличии концептуальной и ценностно-мировоззренческой деятельности сознания исследователя возможно подлинное познание социальных явлений. Субъективный фактор в познании является необходимым компонентом и задача методолога науки заключается не в том, чтобы устранить его влияние, а в том, чтобы выяснить условия, при которых он может содействовать процессу достижения истины. Задача выяснения предпосылок и условий, обеспечивающих реализацию субъективной стороны познания с положительным результатом, представляется очень трудным делом. С абстрактно-философской точки зрения опосредованность процесса познания социально-мировоззренческими установками не является препятствием для достижения объективного знания, так как в основе познания находится практика как объективный процесс и сама зависимость познавательного образа от субъекта так или иначе обусловлена практикой. Но содержание познавательной активности субъекта в социальном исследовании зависит от системы самых разнообразных ценностных ориентаций и концептуальных средств познания. И, если даже признать право на существование и полезность, эффективность и допустимость всех теоретико-методологических принципов исследования в зависимости от предмета общественных наук, то возникает специфическая проблема способа использования всего этого инструментария.

Выводы

Ценностный подход к истории в познании может как положительно, так и отрицательно влиять на исследование. Причем, к негативным последствиям может привести не только ориентация субъекта познания на какую-либо идеологию, но и стремление откликнуться на злобу дня, колебание политической конъюнктуры, желание выразить субъективные вкусы и настроения, угодить «руководителям» науки, реализовать корпоративный интерес в науке. Такие мотивы познавательной деятельности противоречат интересам общества, наносят непоправимый ущерб истории, как науке. Даже если исключить случаи умышленного искажения исторической истины, прямой фальсификации и недобросовест-

ности, сохраняются объективные условия негативных политических и идеологических воздействий на процесс познания.

Искажения в исторических исследованиях возможны и в случае нарушения учеными принципов исторического анализа, правил научной методологии познания и других гносеологических требований. Часто источником ошибок в историческом исследовании является некорректность в использовании различных методов, неправомерность аналогии, абсолютизация одного подхода, необоснованность переноса методов других наук в сферу истории. Ученый-историк, сформировавшийся в определенной политической, религиозной или национальной культуре, нередко руководствуется идеологическими представлениями об истории, что находит свое выражение в схематизации социального развития, упрощенных трактовках вектора истории. Формируется догматический стиль мышления, который реализуется во всей структуре и содержании исторического познания (например, в принципах и нормах описания, объяснения, оценках социальных фактов) от постановки проблемы до ее теоретического решения.

Будучи синтезом современных знаний и ценностно-эмоциональным отношением к действительности, мировоззренческие предпосылки выполняют регулятивно творческие функции в процессе исторического познания, трансформируясь в методологические принципы построения концепций, теорий, обобщений. Поэтому философско-гносеологический анализ должен в дальнейшем сосредотачиваться на выяснении их места и значения на различных этапах исследования, а также способах проникновения и формах присутствия в содержании исторических знаний. Указанное направление анализа научного творчества особенно плодотворно в

исторических науках, поскольку дает возможность по-новому взглянуть на структуру и организацию исторического исследования.

Список литературы

1. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. Пер. с фр.- М.: Прогресс, 1972. – 608 с.
2. Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования. – М., 1904. – 66 с.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – Т.3. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
4. Михайловский Н.К. Записки профана. – СПб.: Вольф, 1897. – Т.3. – С. 275-303.
5. Малинин В.А. Философия революционного народничества. – М.: Наука, 1972. – 340 с.
6. Лавров П.Л. Философия и социология. – М.: Мысль, 1965. – Т.1. – 752с.
7. Бердяев Н. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический очерк о Н.К. Михайловском. – СПб., 1901. – 270 с.
8. Струве П. На разные темы (1893 – 1901 гг.). Сб. ст. – СПб.: Изд. А.Е. Колпинского, 1902. – 556 с.
9. Хесле В. Абсолютный рационализм и современный кризис // Вопросы философии 1990. - №11. – С. 107-113.
10. Чудинов Э. М. Природа научной истины. – М.: Политиздат, 1977. – 312с.
11. Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. – СПб., 1899. – 275 с.
12. Барт П. Философия истории как социология. – СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1900. – 424 с.
13. Зиммель Г. Проблемы философии истории. Этюд по истории познания. – М.: Кн. Дело, 1898. – 165 с.
14. Дильтей В. Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии, 1912. - №1. – С. 121 – 130.
15. Дильтей В. Описательная психология. – М.: Русский книжник, 1924. – 118 с.
16. Джемс У. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления. – СПб.: Шиповник, 1910. – 237 с.
17. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс. – 312 с.

С.В. Синяков, Є.Ф. Сластенко

МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ В РОСІЙСЬКІЙ ФІЛОСОФІЇ ІСТОРІЇ КІНЦЯ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ СТ.

У статті розкривається співвідношення суб'єктивного та об'єктивного у історичному пізнанні, аналізується роль ідеологічних установок та концептуальних засобів дослідження як найбільш значущих форм реалізації активності суб'єкта.

S. Sinyakov, E. Slastenko

METHODOLOGICAL PROBLEMS IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF HISTORY at the end of THE XIX c. – beginning OF THE XX c.

The article deals with the proportion of subjective and objective in historical cognition. The role ideological aims and conceptual means of research as the most important form of man's realization of his activity are analyzed.

Стаття надійшла до редакції 5.02.2010.

УДК 1 (091)

І.З. Держко, канд. філос. наук, доц.

ОБ'ЄКТИ МЕТАФІЗИЧНОГО ПІЗНАННЯ: СУТНІСТЬ І ПРОДУКТИВНИЙ ЗМІСТ

Львівський національний медичний університет

У статті аналізується проблема об'єктів метафізичного пізнання, визначаються їх критерії і встановлюється ієрархія відносин між ними.

Вступ

З огляду на завдання повернення до витоків філософського мислення, відновлення культури філософського мислення, позбавлення від діалектико-матеріалістичної парадигми особливої актуальності набуває сьогодні звернення до метафізики – як способу мислення і пізнання граничних основ буття. В цьому контексті видається необхідним визначити і

дати обґрунтування об'єктом метафізики.

Постановка завдання

Традиційно під об'єктом розуміється те, що гносеологічно протистоїть суб'єкту, тобто предмет пізнавальної активності суб'єкта (в цьому сенсі фізичний об'єкт є тільки окремим випадком об'єкта). Обравши